

захватывавший своих членов, внушая им постоянную мысль об их исключительной кровной близости друг к другу“.¹

Отсюда ясно, что идея братства князей в понимании XI—XIII веков отнюдь не была идеей равенства князей, а идеей их обособления от остального общества и подчинения друг другу: братья не равны — есть братья старшие и младшие. Князья постоянно называют друг друга „старейшим братом“ или „младшим братом“. Ассоциация „братство и равенство“ — ассоциация XVIII и XIX веков, имеющая свои основы в буржуазной идеологии. В идеологической же борьбе феодалов идеи братства распространялись только на среду самих феодалов, служили основой для установления феодальной иерархии господства—подчинения внутри феодального класса и пропаганды единства Руси как единства государственного в первую очередь и единства иерархической лестницы внутри княжеского рода — во вторую.

В основе идеи братства лежат феодальные отношения XI—XIII веков. Внешне эта идея прикреплена к христианским понятиям и к христианской терминологии. Церковь служила высшей санкцией и высшим общением феодального строя. Вот почему идея братства князей приобрела еще в самом начале своего развития культовые формы. Она получила себе церковную опору в культе братьев князей Бориса и Глеба.

Чрезвычайно важно понять классовую сущность этого культа, правильно понять идеи „Жития“ Бориса и Глеба, за религиозной оболочкой и общехристианской терминологией увидеть истинные понятия XI века.

Идеи „Жития“ Бориса и Глеба — это идеи необходимости соблюдения отношений вассалитета-сюзеренитета и в первую очередь „покорения“ старшему брату. Борис и Глеб пожертвовали жизнью своею ради этой идеи и потому оказались причислены к лику святых. Когда умер Владимир и Борис услышал, что на киевском столе сел брат его „старейший“, он возрадовался и сказал: „Сий ми будетъ яко отецъ“.² Борис отправляется к брату своему Святополку, „никогого же зла помышляющую в сердцеи своемь“, „радуясь, иже брат ему старей на столе отчи сел“. Когда его предупреждают о намерении Святополка убить его, он не верит и вновь подтверждает свое намерение выполнить свой долг вассала: „Аз мний есмь, не противен есмь брату своему старейшему сущю... Не отъиду, ни отбежю от места сего, ни паки супротивлюся брату своему, старейшему сущю“.³ Так же точно выполняет свой долг вассала и Глеб. Оба радуются, когда Святополк садится на столе в Киеве, оба покоряются его власти и не сопротивляются убийцам.

Идеи вассалитета-сюзеренитета с особенной яркостью представлены в Несторовом „Чтении“ о Борисе и Глебе. Менее отчетливо они представлены в более ранних „Сказаниях“ о Борисе и Глебе и в летописной повести о Борисе и Глебе. Замечательна в этом отношении заключительная часть „Чтения“, в которой излагается его идея. „Видите ли, братие. — обращается Нестор к своим читателям, — коль высоко покорение, еже стяжаста святая к старейшу брату. Си аще бо быста супротивилася ему, едва быста такому дару чудесному сподоблена от бога. Мнози бо суть ныне детескы князи, не покоряющеся старейшим и супротивящеся им, и убиваеми суть: ти не суть такой благо-

¹ Я. А. Голышкин. Очерки личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в. „Издания Истор. общ. при Моск. унив. Рефераты“, т. II, М., 1898, стр. 270.

² Чтение о Борисе и Глебе. Жития Бориса и Глеба и службы им. Под ред. Д. И. Абрамовича, Пгр., 1916, стр. 8.

³ Жития Бориса и Глеба, стр. 9.